

принимал на себя *обязательства* не только перед издателем, но и перед читателями. Приняв такое обязательство, только о нем и думал, забывал все и вся и отдавался моей работе. Я мог спокойно жить, даже в смысле здоровья, только в том случае, если видел, что исполняю свою обязательную задачу. Этим объясняется, что я никогда *не подвел* ни издателя, ни читателей. — С Вами мы не только не заключили никакого условия, которое бы меня взвинтило, но Вы даже облили меня, очевидно, холодной водой, передав слова А. С. Суворина относительно того, что роман может оказаться неудачным и т. д. Я считал, что и Вы, и А. С. Суворин *совершенно* правы: каждое Ваше слово не только естественно и благоразумно, но даже ничуть для меня не обидно. Я сам был очень рад такой постановке вопроса и тому, что хоть раз в жизни себя не закабалью. А между тем вот эта самая, очевидно дошедшая до мозга костей, привычная система закабаливаний сделала то, что я прежде всего страшно подвел сам себя, а затем, как Вы говорите, и Вас. Ради Бога, не судите, ибо повинную голову и меч не сечет. Я уверен, что тот же кн. Голицын,¹ присев теперь же, даст Вам хороший роман для наступающего года. Если же это нельзя и если Вы можете начать печатать моего романа с середины года и до конца, то я всецело готов поступить в Ваше распоряжение.² Во всяком случае я буду у Вас...только Вы в меня не стреляйте, ибо я...боюсь.

Искренне преданный Вам

Вс. Соловьев

5 ноября 1901 г(ода)

¹ Вероятно, имеется в виду Д. П. Голицын (псевдоним Муравлин).

² Публикация романа Соловьева не состоялась. После смерти писателя в журнале была помещена статья о его творчестве (*Медведский К. П. Памяти Вс. С. Соловьева // Исторический вестник. 1903. Декабрь*).

© Г. В. Петрова

«НАМ НУЖНО БОЛЕЕ ЛЕГКОЕ ВРЕМЯ, ДАННОЕ „БЕДНЫМ В ДАР И СЛАБЫМ БЕЗ ТРУДА”»

(ОБ ОДНОЙ ЦИТАТЕ В ПИСЬМАХ А. БЛОКА)

Эпистолярное наследие символистов, в том числе и переписку Блока и Андрея Белого, отличается разнообразный и широкий репертуар цитат, реминисценций, аллюзий. Обращение поэтов начала XX века к литературным, философским, религиозным текстам было способом передачи не всегда определенных духовных и художественных интуиций и в концентрированном виде заявляло об их мировоззренческих приоритетах. Андрей Белый об этом скажет так: «У нас был свой жаргон, свои слова, стиль говорить о виденном, о подслушанном вместе».¹ Он же в своих воспоминаниях отметит: «Но наше ритмическое единство допускало подстановки; мы могли говорить о нем и в терминах философии Логоса, и в терминах энергетики, ибо умели переводить метод в метод и прочитывать явления, держась не за букву...»²

Письма Блока, помимо широкого пласта литературных цитат, изобилуют реминисценциями из европейской, русской и восточной философии, обращают нас к разным религиозным и мистическим учениям. Важное место здесь занимает и христианская традиция.

¹ *Белый Андрей*. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 56.

² *Белый Андрей*. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 201.

Так, в финале первого и потому особого значимого письма к Андрею Белому Блок пишет: «Скажите прямо, что „все мы изменимся скоро во мгновение ока”. К этому письму меня привели только намеки на „мигание” (подмигивающих) в статье, которая открывает столь громадное в другом, что об этом и говорить нужно особо (таков намек на обновление гнетущей нас Кантовской теории познания). Нам нужно более легкое бремя, данное „бедным в дар и слабым без труда”. И будет легче, когда будет слышнее цветение Вашего сердца»³ (здесь и далее разрядка наша, кроме примера на с. 147 — Г. П.).

Как нам удалось обнаружить, Блок, вступая в диалог с Андреем Белым и критикуя его за «недосказанность» статьи «Формы искусства», которая явилась непосредственным поводом к написанию письма, использует цитату из 36 параграфа «Огласительного поучения тринадцатого» Святителя Кирилла Иерусалимского:⁴ «Итак, да не стыдимся исповедывать Распятого; с дерзновением да изображаем рукою знамение Креста на челе и на всем: на хлебе, который вкушаем; на чашах, из которых пьем; да изображаем Его при входах, при выходах, когда ложимся спать и встаем, когда находимся в пути и отдыхаем. Он великое предохранение, данное бедным в дар, и слабым без труда. Ибо это благодать Божия; знамение для верных, и страх для злых духов. Потому, что посредством одного *победил Он их, изведши в позор со дерзновением* (Кол. 2, 15). Когда увидят они Крест, то вспоминают Распятого. Они боятся сокрушившего главы дракона. Не пренебрегай знамением сим по той причине, что оно даром дано тебе; но за сие тем более почитай Благодетеля».⁵

«Огласительные поучения» Кирилла Иерусалимского неоднократно издавались в России. И хотя среди книг в библиотеке Блока ни одно из этих изданий не значится, цитата из «Огласительного поучения тринадцатого» Кирилла Иерусалимского могла быть известна ему по другому общедоступному и широко распространенному источнику. Имеется в виду «Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви», составленный митрополитом Филаретом (Дроздовым) и являвшийся основным учебным пособием по Закону Божьему в России XIX—начала XX века.⁶

В качестве отличительной особенности филаретовского Катехизиса укажем его ориентацию именно на «Огласительные поучения» Кирилла Иерусалимского. В составе Катехизиса в разделе «О крещении» текст 36 параграфа «Огласительного поучения тринадцатого» цитируется фактически без изменений, но в сокращении, и, таким образом, фраза, используемая Блоком в письме к Андрею Белому, полу-

³ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919. М., 2001. С. 17. Письмо Блока цитируется по этому изданию.

⁴ До настоящего времени эта цитата из первого письма Блока к Андрею Белому, появляющаяся также в дневниковой записи Блока от 2 апреля 1902 года и в письме к Л. Д. Менделеевой от 8 апреля 1903 года, не была атрибутирована. См.: Там же. С. 20; Блок А. Дневник. М., 1989. С. 367; Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 470; Блок Александр. Письма к жене // Лит. наследство. 1978. Т. 89. С. 116.

⁵ Святого отца нашего Кирилла, Архиепископа Иерусалимского, Огласительные и тайноводственные поучения, с еллино-греческого на российский язык переведенные, по назначению Святейшего Правительствующего Синода в Ярославской семинарии. СПб., 1822. С. 272—273.

⁶ Нет свидетельств тому, что изучение Закона Божьего и Катехизиса сыграло какую-либо значимую роль в становлении Блока. Однако отдельные признания заставляют думать, что при известном равнодушии Блока к изучению предметов гимназического курса он достаточно серьезно относился к «Закону Божьему» (см.: Кумпан К. А., Конечный А. М. Александр Блок во Введенской гимназии // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Кн. 4. С. 605; Из писем А. А. Кублицкой-Пиотух к Бекетовым / Вступ. статья, публ. З. Г. Минц, прим. М. Э. Коор // Блоковский сборник П. Тарту, 1972. С. 439). Внимание Блока к Катехизису и «Огласительным поучениям» Кирилла Иерусалимского могло быть спровоцировано и изучением в Санкт-Петербургском университете Богословия и истории церкви.

чает дополнительный акцент: «Кирилл Иерусалимский пишет: *да не стыдимся исповедовать Распятого, с дерзновением да изображаем рукою знамение креста на челе, и на всем: на хлебе, который вкушаем, на чашах, из которых пием; да изображаем его при входах, при выходах, когда ложимся спать и встаем, когда находимся в пути и отдыхаем. Он — великое предохранение, данное бедным в дар и слабым без труда. Ибо это благодать Божия, знамение для верных и страх для злых духов.* Огласит. Поуч. XIII, 36».⁷

При этом отметим, что Блок не единожды цитирует Кирилла Иерусалимского. Раньше письма к Андрею Белому от 3 января 1903 года формула «бедным в дар и слабым без труда» появляется в его юношеском дневнике. 2 апреля 1902 года, после обильного цитирования Библии, Блок пишет: «Да неужели же и я подхожу к отрицанию чистоты искусства, к неумолимому его переходу в религию. Эту склонность ощущал я (только не мог формулировать, а Бугаев, Д. Мережковский и З. Гиппиус вскрыли) давно (см. критика на декадентство). Excelsior! (словцо Мережковского). Дай Бог вместить все, ведь и Полонский, чистый „творец“, говорил:

Как ни громко пой ты — лиру
Колокола перезвонят.

Прочсть Мережковского о Толстом и Достоевском. Очень мне бы важно. Что ж, расплывусь в Боге, разольюсь в мире и буду во всем тревожить Ее сны. „Все познать и стать выше всего“ (формула Мих. Крамера) — великая надежда, „данная бедным в дар и слабым без труда“».⁸

Известно, что Блок активно использовал цитаты и реминисценции из христианских источников в качестве эпиграфов к своим стихам, последовательно заносил их в свой дневник, вводил в письма к своим корреспондентам, при этом и современники, и исследователи уже не раз обращали внимание на неоднозначное и весьма противоречивое отношение Блока к христианству и церкви.⁹

Молодое поколение поэтов, заявившее о себе в первые годы XX века, к которому принадлежал Блок и которое Андрей Белый назвал «детьми рубежа двух столетий», «подпольщиками культуры», заключающими в себе «заряд динамизма», «гераклитианцами, несущими бунт в царство средневекового Аристотеля»,¹⁰ утверждалось через «волю к переоценке», критической «выверке» идеалов своих «отцов»-предшественников. По этому поводу Андрей Белый писал: «Мы — юноши, встретившиеся в начале столетия, и те немногие „старшие“, не принявшие лозунгов наших отцов, и одиночки, боровшиеся против штампов, в которых держали нас (...); мы встречались под разными флагами; знамя, объединявшее нас, — отрицание бытия, нас сложившего; и — борьба с бытом; этот быт оказался уже нами выверенным; и ему было сказано твердое „нет“».¹¹ Частью этого бытия, т. е. жизненного строя, идеологического, культурного, духовного, физического, против которого бунтовала молодежь, было и либерально-критическое отношение к сложившимся церковным устоям и обрядам, и система гуманистических идеалов, во многом восходящая к христианским догмам. Таким образом, «дети рубежа столетий» говорили «нет» и либеральной критике церкви, скептическому взгляду на нее «отцов»-позитивистов, и догматическому восприятию христианства.

⁷ Пространный христианский катехизис Православной Кафолической Восточной Греко-Российской Церкви, рассматриванный и одобренный Святейшим Правительствующим Синодом, и изданный для преподавания в училищах, по Высочайшему его Императорского Величества повелению. М., 1829. С. 60.

⁸ Блок А. Дневник. С. 45—46.

⁹ См.: Христианство и новая русская литература XVIII—XX веков: Библиографический указатель. 1800—2000. СПб., 2002. С. 553—564.

¹⁰ Белый Андрей. На рубеже двух столетий. С. 201.

¹¹ Там же. С. 35—36.

Интересно, что в качестве доказательства своей мысли о бунте «детей рубежа столетий» Андрей Белый ссылался на Дневники Блока: «Вот — „Дневник“ Блока: какая ирония по отношению к штампу ходячего либерализма <...>. Принято объяснять Блока как пришедшего к критике обставшего быта; а надо брать Блока как исшедшего из этой критики еще в эпоху „Ante Lucem“ <...>». ¹² На первый взгляд дневниковые записи Блока как будто подтверждают такого рода рассуждения. Так, в одной из записей читаем: «Когда раздались нечеловеческие вопли грубого либерализма и „либеральная жандармерия“ (она отличается от консервативной тем, что первая регулируется правом и государством, а вторая — произволом фанатиков и глупцов) стала теснить аристократ'ов чувства и мысли и снова распинать Истину, Добро и Красоту, — старые силы вышли из тумана, „в дымном тумане“ возникли „новые дни“».

На великую философскую битву вышел гигант Соловьев <...> Осыпались пустые цветы позитивизма, и старое дерево вечно ропщущей мысли зацвело и зазеленело метафизикой и мистикой <...> Все это дело любви совершалось, пока лживое государство воздвигало гонения на фанатиков и богохульников, которые злобились и свирепели.

<...> Заглушенная криками богохульников, старая сила почувяла и послышала, как воспрянул ее Бог, — и откликнулась ему». ¹³

Между тем отношения Блока с «отцами» были все-таки лишены того мучительного драматизма и той резкой конфликтной напряженности, которые пережил Андрей Белый. Блок органически впитал в себя и высокий уровень просвещенности бекетовской семьи, и систему ее идеалов и традиций, сочетавших свободомыслие, критический взгляд на окружающую жизнь с трепетным, «домашним», интимно-напряженным подходом к религии и церкви, ¹⁴ хотя и лишенным какой бы то ни было ортодоксальности. Идеалы и культурные ценности семьи всегда были своеобразным камертоном творческих и духовных поисков поэта.

Интерес Блока к христианству вполне логично вытекал не столько из бунта, сколько из душевного опыта, пережитого на рубеже XIX—XX веков и определявшегося новым мистическим содержанием, и из увлечения явлениями культуры, среди которых выделяется философия Вл. Соловьева и творчество «истинно христианствующего», по его собственным словам, Достоевского. ¹⁵

На раннем этапе творческого пути обращение к христианским источникам носило у Блока характер поиска ценностной основы присущих ему мистических предчувствий, ожиданий, озарений, было отмечено стремлением к сакрализации своих отношений с миром и к приданию нового статуса творческому переживанию. Не случайно в дневниковых записях, датированных декабром 1901-го — январем 1902 года, Блок рассуждает о неисчислимых точках соприкосновения «глубинной религии» и «глубинного» искусства. Сопрягая творческий процесс с религиозным действием, он обнаруживает «несомненное как внутреннее, так и внешнее сходство между богослужебными обрядами вдохновенных иереев и игрой на сцене вдохновенных актеров; ибо и священнослужитель олицетворяет Христа, и актер совершает свою литургию». «Стихи — это молитвы, — пишет Блок, — Сначала вдохновенный поэт-апостол слагает ее в божественном экстазе. И все, чему он слагает ее, — в том кроется его настоящий бог. Дьявол уносит его — и в нем находит он опрокинутого, искалеченного, — но все милее, — бога. А если так, есть бог и во всем тем более — не в одном небе бездонном, а и в „весенней неге“ и в „женской любви“ <...>

¹² Там же. С. 38.

¹³ Блок А. Дневник. С. 26.

¹⁴ О религиозности матери Блока, А. А. Кублицкой-Пиоттух, см.: Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 521.

¹⁵ Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 22.

Вот таковы стихи. Таково истинное вдохновение. Об него, как об веру, о „факт веры“, как таковой, „разбиваются волны всякого скептицизма“. Еще, значит, и в стихах видим подтверждение (едва ли нужное) витания среди нас того незыблемого Бога, Рока, Духа... кого жалким, бессмысленным и глубоко звериным воем встретили французские революционеры, а гораздо позже и наши шестидесятники». ¹⁶

При этом уже ранний Блок, идя по общесимволистскому, как в свое время определил его В. М. Жирмунский, пути индивидуалистического переживания божественного, далек от апологетики христианства. Скорее следует говорить о том, что Блок ведет с христианской доктриной внутренний диалог, результатом которого становится использование традиционных религиозных формул в «новом, субъективном истолковании». ¹⁷ Не является исключением и цитата из «Огласительно-поучения тринадцатого» Кирилла Иерусалимского.

Весна 1902 года, как свидетельствует выделенная нами дневниковая запись, где впервые появляется формула «бедным в дар и слабым без труда», — период, отмеченный в биографии Блока напряженными размышлениями над проблемой собственного поэтического предназначения. В это время Блок входит в широкие литературные круги: знакомится с Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус. Тогда же З. Н. Гиппиус углубляет заочное знакомство Блока с Андреем Белым, передав ему письма последнего. Обширные выписки из «философии Бугаева» (так называет Блок открытое письмо-рецензию Андрея Белого на книгу Мережковского «Л. Толстой и Достоевский») он заносит в свой Дневник. ¹⁸ Как отмечает А. Пайман, «для Блока письмо Бугаева как будто сформулировало его же чаяния, вопросы и недоумения, и поэт узнал в авторе этих строк брата, бесконечно близкого, умеющего облечь свои мысли четче, чем он сам». «Мысль о близости их (с Андреем Белым. — Г. П.) повергла его в трепет», — пишет исследовательница. ¹⁹

В апреле 1902 года в издательстве «Скорпион» выходит отдельным изданием «Симфония (2-я, драматическая)» Андрея Белого, вызвавшая большой литературный резонанс и воспринятая Блоком как духовное откровение. «„Симфония“, разумеется, поразила нас, как и до сих пор поражает. По-моему это вещь громадная...» — напишет он С. М. Соловьеву. ²⁰ Тогда же, судя по дневнику, зарождается у Блока мысль начать переписку с Андреем Белым. У него формируется отчетливое представление об Андрее Белом как творце, способном обобщить и катехизировать эстетический и духовный опыт человека рубежа веков, отмеченный мистическими прозрениями и предчувствиями, поднимающимися на высоту религиозных откровений и возвращающих к «религиозному пониманию действительности». ²¹ Об этом собственно и идет речь в первом письме Блока к Андрею Белому. Иными словами, Блок обращается к своему корреспонденту как к творцу, «стоящему „в челе“», призванному дать современному человеку новый Священный текст, Новый Завет. Не случайно опубликованную чуть позже «Северную симфонию (1-ю, героическую)» Андрея Белого Блок будет именовать Писанием, ²² а в первом письме к нему выступит в качестве человека, задающего вопросы и ждущего ясного, если не сказать дидактического, ответа и наставления: «Я задаю бездны вопросов <...>. От моего „греха“ задаю я Вам вопросы и потому, что совсем понял, что центр

¹⁶ Блок А. Дневник. С. 26, 31.

¹⁷ Жирмунский В. М. Поэзия Александра Блока. Преодолевшие символизм. М., 1998. С. 40.

¹⁸ См.: Блок А. Дневник. С. 42—45.

¹⁹ Пайман А. Ангел и камень. Жизнь Александра Блока. М., 2005. Кн. 1. С. 94—95.

²⁰ Переписка Блока с С. М. Соловьевым (1896—1915) / Вступ. статья, публ. и комм. Н. В. Котрелева и А. В. Лаврова // Лит. наследство. 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 331.

²¹ Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 105.

²² Переписка Блока с С. М. Соловьевым. С. 355.

может оказаться в Вас (...) необходимо, чтобы Вы сочли число зверя, потому что Вы из стоящих „в челе” и на Вас „возлагаются надежды”».

Не случайно и то, что Блок впервые цитирует Кирилла Иерусалимского в апреле 1902 года. По юлианскому календарю 2 апреля 1902 года приходилось на шестую седмицу Великого поста.²³ 18 марта на крестопоклонной (четвертой седмице) праздновался день Святителя Кирилла Иерусалимского, «Огласительные поучения» которого в IV веке произносились на протяжении всего предпасхального поста и были частью оформившегося в первые века христианства катехумената («оглашения»), специальной системы «обучения» и подготовки человека к сознательному принятию таинства крещения и вступлению в лоно церкви.

Обратим внимание на то, что в промежутке между указанными датами, 26 марта, происходит знакомство Блока с Мережковским и Гиппиус и заочно — с Андреем Белым, которое становится значимым событием в творческой судьбе поэта.²⁴ Первоначально это знакомство вполне могло ощущаться им как приобщение к духовной общности людей «посвященных»,²⁵ носителей нового религиозного чувства и тайного знания. Думается, что Блок, и, по всей видимости, не без влияния Мережковского, вполне мог проецировать свои переживания и переживания своих современников на позицию первых христиан, чувствовавших себя последователями новой, еще только утверждавшейся веры, призванной преобразить мир.²⁶ Подобные ощущения возникали и у его единомышленников. Так, в одном из писем к нему в октябре 1904 года С. М. Соловьев признавался: «Голова мутится от первых веков христианства, тем более, что кругом появляющиеся люди, как будто из этих самых первых веков».²⁷ В свою очередь рассматриваемая проекция актуализировала в сознании Блока идею «оглашенности», на что, собственно, и указывает цитата из Кирилла Иерусалимского.

Вполне отчетливое поэтическое воплощение идея «оглашенности» находит у Блока в стихах 1902 года,²⁸ лирический герой которых живет мыслью о будущем

²³ О внимании Блока к церковному календарю см.: *Гужиева Н. В.* Церковный календарь в структуре лирической трилогии А. Блока // *Русская литература.* 2005. № 2. С. 81—93. См. также: *Миц З. Г.* «Поэтика даты» и ранняя лирика Ал. Блока // *Миц З. Г.* Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 389—400.

²⁴ Этот период творческой биографии Блока аналитически тонко осмыслен в книге А. Пайман, которая утверждала, что Блок не в пример Андрею Белому не попал в действительно сектанствующий «внутренний круг Мережковских», что не исключало их серьезного влияния на Блока (см.: *Пайман А.* Указ. соч. С. 92—99). См. также: *Миц З. Г.* Блок в полемике с Мережковскими // *Миц З. Г.* Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 537—620.

²⁵ Ср. с признанием Андрея Белого, утверждавшего, что его отношения с Блоком носили «характер особого непроизвольного эзотеризма, не могущего быть понятным „не посвященным”» (*Записки мечтателей.* 1922. № 6. С. 56).

²⁶ Блоковеды уже писали о том, что идея религиозного преобразования мира и духовного перерождения человека была одной из ключевых и интегральных в системе символистского мировоззрения (см.: *Быстров В. Н.* 1) Идея преобразования мира в сознании и творчестве Александра Блока // *Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв.).* СПб., 1992. С. 212—228; 2) Идея преобразования мира в сознании и творчестве Александра Блока. Грани реальности и мятежи духа (1904—1909) // *Там же.* 1997. Вып. 2. С. 217—250; 3) Идея преобразования мира в сознании и творчестве Александра Блока. Грани трагедии (1910—1921) // *Там же.* 2001. Вып. 3. С. 359—413; *Игошева Т. В.* 1) «Стихи о Прекрасной Даме» Блока: поэтика религиозного символизма. Великий Новгород, 2003; 2) Религиозное преобразование в контексте «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока // *Изв. АН. Сер. лит. и яз.* 2004. Т. 63. № 4. С. 54—61).

²⁷ Переписка Блока с С. М. Соловьевым. С. 379.

²⁸ В связи со сложной историей «Стихов о Прекрасной Даме» необходимо отметить, что в состав первой поэтической книги Блока, изданной в 1904 году, стихотворения, в которых наиболее рельефно реализовалась идея «оглашенности», по преимуществу не вошли. Только начиная с 1911 года, с момента работы Блока над созданием своей «трилогии вочеловечения», он будет вводить в центральный раздел первого тома своей лирики (в финальные части «Стихов о Прекрасной Даме») стихотворения 1902 года, отмеченные переживанием «просвещения», «посвящения» — «оглашенности».

«весеннем» перерождении, ожидает уготованного и обещанного «часа» преображения, в который произойдет рождение существа с «всемощными крылами»:

Час придет — в холодные мятели
 Даль весны заглянет, весела.
 Я укрыт до времени в приделе.
 Но растут всемошнные крыла.
 («Я укрыт до времени в приделе...»)

Здесь веселая «даль весны» не просто природно-эмоциональный комплекс, поддерживающий, по замечанию Т. В. Игошевой, поэтическую мысль о радостном преображении тварной природы,²⁹ но и вполне определенная реалья, связанная с древней церковной практикой «оглашения» и крещения как двух главных ступеней приближения к Богу.

Целый ряд сквозных мотивов в стихах Блока зимы—весны 1902 года закрепляют образ лирического героя в качестве катехумена («оглашаемого»). Один из наиболее ярких примеров — мотив вхождения в храм, пребывания на его пороге: «На темном пороге тайком / Святые шепчу имена...»

Согласно церковным обычаям, катехумен («оглашаемый») неоднократно подходил (подводился) к «вратам храма», где Церковь встречала его радостным пением псалмов. После чего «оглашаемый» испытывался Церковью на истинность и искренность своих намерений. Обратим внимание также на то, что в православной традиции оглашаемый мог находиться только в притворе храма (при отсутствии такового — на паперти), самой темной и неосвященной части храма, расположенной напротив алтаря, на западе, месте средоточия сил князя тьмы, Дьявола. У Блока не случаен этот мотив мрака, темноты, тени, сопряженный с «вхождением» его героя в храм: «Ложится мгла на старые ступени...» («Бегут неверные дневные тени...»), «Там в полусумраке собора...», «Сгущался мрак церковного порога...» и др. Думается, и стихотворение «Я укрыт до времени в приделе...» говорит о временном нахождении героя в позиции катехумена. Конечно, Блок не мог не знать функционального различия церковного придела и притвора, но осмелимся утверждать, что в данном случае мы сталкиваемся с поэтической логикой, которая вполне допускала такую неточность.

В этом контексте в стихах 1902 года выделяются мотивы песнопений («О, странно сладки напевы... / Они кажутся так ясны! / А здесь уже бледные девы / Уготовали путь весны...», 10 февраля 1902); смиренности («Люблю высокие соборы, / Душой смиряясь, посещать, / Выходить на сумрачные хоры, / В толпе поющих исчезать...», 8 апреля 1902); белых, чистых одежд («Утомленный я терял надежды, / Подходила темная тоска./ Забелели чистые одежды, / Задрожала тихая рука...», 1 апреля 1902); преклонения: «Мы преклонились у завета...» (18 января Исаакиевский собор). А лирический сюжет стихотворения «Кто-то с Богом шепчется...», в рукописи озаглавленного «В церкви» и написанного в первый день Великого поста — 27 февраля 1902 года, непосредственно отсылает нас к обряду «оглашения», важной частью которого была процедура испытания верующего, дающего обет верности:

Кто-то с Богом шепчется
 У святой иконы.
 Тайна жизни теплится,
 Благовестны звоны.
 Непорочность просится
 В двери Духа Божья.

²⁹ См.: Игошева Т. В. Религиозное преображение в контексте «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока. С. 59.

Сердце переносится
 В дали бездорожья.
 Здесь — смиренномудрия
 Я кладу обеты.
 В ризах целомудрия,
 О, святая! где ты?
 Испытаний силою
 Истомленный — жду я
 Ласковую, милую
 Вечно молодую.

Однако если конечная цель христианского «оглашения» — подготовка к встрече и установлению тайной связи и союза человека с Христом, то герой Блока ожидает встречи с Ней, «ласковой, милой», «вечно молодой». На месте Бога у Блока все время оказывается Она, «Владычица вселенной»: «На праздник мой спустился Кто-то / С улыбкой ласковой Жены...» («Мы преклонились у завета...»). Не случайно С. М. Соловьев, почувствовав в стихотворениях Блока зимы—весны 1902 года что-то «антицерковное» и «антихристианское», писал: «Все стихотворения сильны и оригинальны, но от них веет *мучительным* мистицизмом».³⁰

Дело в том, что обращенность лирики Блока к ритуально-обрядовой стороне церковной жизни, как и к христианской доктрине, определялась художественной задачей. Элементы древнего христианского обряда «оглашения», обнаруживающиеся в его стихах, оказываются инструментом сакрализации отношений поэта со своим Божеством, символическим знаком священной связи с Прекрасной Дамой.

Что касается религиозных формул, к которым апеллирует Блок, в том числе и в переписке с Андреем Белым, то они также подвергнуты художественному переосмыслению и наполнены «частным» смыслом. Это очень хорошо чувствовал сам Андрей Белый, позже так характеризовавший письма Блока: «„Гениально, но — идиотично!“ Под идиотизмом же я разумел абсолютную отъединенность Блока от всякой культуры мыслительной, а, конечно, не глупость: Блок — умница; но его мысль, не имея традиций, — антисоциальна, отомкнута; ведь слово „идиотэс“ по-гречески — частный, себя оторвавший от всех...»³¹

Блок не просто цитирует Кирилла Иерусалимского, который в 36 параграфе «Огласительного поучения тринадцатого» пишет о кресте и крестном знамении как «великом предохранении, данном бедным в дар и слабым без труда». И в дневнике, и в письме к Андрею Белому у Блока речь идет о другом.

Содержание цитаты из «Огласительного поучения тринадцатого» у Блока непосредственно корреспондирует с литературно-критическим перифразом слов Кирилла Иерусалимского, принадлежащим Вл. С. Соловьеву, который в статье 1899 года «Лермонтов» писал: «Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга — развить тот задаток великолепный и божественный, который он получил даром».³²

В дневнике на место мысли о «крестном знамении» как великом предохранении для человека у Блока поставлен образ «великой надежды» на гносеологические возможности художника, творца. Здесь формула Кирилла Иерусалимского соотнесена с перифразом слов главного героя драмы Г. Гауптмана «Михаэль Крамер», который посвятил свою жизнь созданию картины, изображающей Христа, и

³⁰ Ср. с письмом С. М. Соловьева Блоку от 14 февраля 1902 года: «В религиозном отношении для меня очевидно одно: истина — только в христианском учении, понимаемом так, как понимает церковь. Следовательно: вся истина — в символе веры, к которому мы не смеем ни прибавить слова, ни отбавить ни слова. *Ничего* нового ждать не следует. Все современное мистическое движение — *антихрист*» (Переписка Блока с С. М. Соловьевым. С. 327—328).

³¹ *Белый Андрей*. Начало века. М., 1990. С. 288.

³² *Соловьев В. С.* Собр. соч. Т. VIII. СПб., 1903. С. 404.

которому путем напряженного познания, сверхусилия, жертвы, творческой работы, понятой как тайнодействие и священнодействие, удается преодолеть собственную ограниченность, даже бесталанность, и явиться автором шедевра, произведения невиданной силы и мощи.

Комментируя дневниковую запись Блока: «„Все познать и стать выше всего” (формула Мих. Крамера)...», А. Л. Гришунин указал, что «реплику Крамера из II действия Блок, видимо, цитирует сокращенно, по памяти».³³ Думается, здесь стоит уточнить, что Блок ориентируется не на общеизвестный и более распространенный в начале XX века перевод этой драмы Гауптмана, сделанный К. Д. Бальмонтом и Ек. Андреевой, а на первый ее перевод на русский язык, осуществленный Е. Джунковской и опубликованный в феврале 1901 года в журнале «Жизнь». В переводе Е. Джунковской художник Крамер так формулирует свою позицию: «Понять жизнь во всем ее глубоком значении, а после этого, видите ли, можно, пожалуй, и подняться выше ее».³⁴ Перефразируя слова Крамера, Блок в целом сохраняет основной их пафос — пафос постижения не только тайны мира и установления связи с Божеством, но и жизни, не лишенной противоречий, во всем ее «глубоком значении». Об этом говорят и стихи Блока 1902 года, герой которых «жизнью шумящей нестройно взволнован...» («Станных и новых ищущих на страницах...»), стремится не только «возлюбить, возненавидеть / Мирозданья скрытый смысл...» («Я и мир — снега, ручьи...»), но и «все понять»: «Но я пойму и все мечтой объеблю...» («Там сумерки невнятно трепетали...»), «Все мной любимое, земное...» («Ты не ушла. Но, может быть...»). Об этом речь идет и в письме Блока А. В. Гиппиусу от 23 июля 1902 года: «Разве можно миновать „мрак”, идя к „свету”? Я лично и „пока” не отдам ни пяди „жизненной драмы” за тончайшее „мистическое созерцание”...»³⁵

При этом дневниковую запись Блока и его первое письмо к Андрею Белому разделяет достаточно большой временной период (апрель 1902 — январь 1903), наполненный в жизни Блока событиями драматическими и решающими, а в его творчестве сопряженный с известной «разочарованностью», со стремлением покинуть «чрезмерную сказочность (...) мистицизма»³⁶ — с переходом от «Стихов о Прекрасной Даме» к теме «Распутий».

Не случайно в письме к Андрею Белому от 3 января 1903 года мысль о способности художника познавать мир и его сверхбытие получает новый оборот. Рассуждая о необходимости «обновления гнетущей современного человека кантовской теории познания», Блок называет этот процесс «легким бременем» и метафорически соотносит его с образом «цветущего сердца» художника.

В данном случае Блоком используется инверсированная формула, часто возникающая во время богослужений и восходящая к тексту Евангелия от Матфея: «Все предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто кроме Сына, и кому сын хочет открыть. Придите ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою Вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам Вашим; ибо иго Мое благо, и бремя легко» (Мф. 11; 27—30).³⁷

При этом не менее важно отметить, что в сопряжении с текстом Евангелия от Матфея и «Огласительного поучения тринадцатого» Кирилла Иерусалимского

³³ Блок А. Дневник. С. 367.

³⁴ Гауптман Г. Михаил Крамер / Пер. Е. Джунковской // Жизнь. 1901. № 2. С. 299. Слова Крамера в переводе К. Д. Бальмонта и Ек. Андреевой звучат принципиально иначе: «Надо сознать всю серьезность жизни, и потом, знаете, можно подняться над ней» (Гауптман Г. Полн. собр. соч.: В 3 т. СПб., 1908. Т. 2. С. 241).

³⁵ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 37.

³⁶ Там же. С. 40.

³⁷ Это место из Евангелия от Матфея Блок также цитирует в письме к Андрею Белому от 18 июня / 1 июля 1903 года (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919. С. 68).

Блок ставит романсовый образ «цветущего сердца». Комментаторы писем Блока к Андрею Белому (и к М. С. Соловьеву от 23 декабря 1902 года, где образ «цветения сердца» использовался поэтом впервые³⁸), рассматривая путь раннего Блока как вариант «соловьевства», в качестве источника цитаты указывали на стихотворение В. С. Соловьева «Белые колокольчики» (1899). В последнем издании переписки Блока и Андрея Белого наряду с Соловьевым упоминается и А. А. Фет как автор стихотворения «Я тебе ничего не скажу...» (2 сентября 1885). Названные поэтические тексты, как и в целом лирика Вл. Соловьева и Фета, действительно выступали философско-поэтическим контекстом, в рамках которого происходили и собственные творческие поиски Блока, и его диалоги с Андреем Белым. Но в данном случае Блок не просто апеллирует к Фету или Соловьеву. Стихотворение Фета «Я тебе ничего не скажу...» как первоисточник образа «цветущего сердца» — одно из самых романсовых стихотворений русской лирики XIX века. К 1903 году было известно более 10 романсов, написанных на слова этого стихотворения, в том числе и таких знаменитых композиторов, как П. И. Чайковский (1886), А. П. Бородин (1893), С. В. Рахманинов (1890), В. И. Ребиков (1891) и др.³⁹

Весьма показательно, что Блок в полемике с Андреем Белым сталкивает широко известные и распространенные религиозные формулы с растражированным романсовым образом, заостряя тем самым антиномию взаимоотношений художника с действительностью, разрешенную в статье Андрея Белого «Формы искусства», по его мнению, достаточно схематично, «компромиссно».

Блок обращается к Андрею Белому с мыслью о том, что творческий дар — это «легкое бремя», данное человеку свыше. При этом путь современного художника, «цветущее сердце» которого является пределом столкновения искусства и религии, по Блоку, продолжает лежать через опыт «сердечный», жизненный, вмещающий в себя все, на что откликается душа поэта, и все, что Андрей Белый в 1905 году в статье «Ибсен и Достоевский» будет призывать «преодолеть», называя «болотом», достоевщиной, «авгиевыми конюшнями психологии». ⁴⁰ Этот пафос преодоления вполне отчетливо звучит уже в его статье «Формы искусства», и Блок не мог его не почувствовать.

Сами предпосылки рассуждений Андрея Белого и о том, что в «настоящую минуту человеческий дух находится на перевале», за которым «начинается усиленное тяготение к вопросам религиозным», ⁴¹ и о перерождении искусства из средства выражения в способ познания тайны мира и новой организации жизни и действительности, оказывались близки Блоку. Но это не помешало ему выступить оппонентом по отношению к Андрею Белому, в статье «Формы искусства» сделавшего попытку выстроить своеобразную иерархию искусств по формальному признаку, тем самым фактически сведя проблему религиозного и эстетического самоопределения художника к вопросу об «искусности» творчества.

Признавая высшей формой творчества музыку, оперирующую звуками и ритмами, в пределах которой «внутренняя энергия поэта не разбивается о внешние препятствия» и в которой «открываются тайны движения, его сущность, управля-

³⁸ Переписка Блока с М. С. Соловьевым // Лит. наследство. 1980. Т. 92. Кн. 1. С. 412.

³⁹ Известно, что исполнение популярных романсов в семейном кругу было важной составляющей музыкального воспитания Блока, который в зрелые годы был большим знатоком и любителем романсов. Об этом свидетельствует и эпистолярное наследие поэта, и мемуары современников (см.: Шкловский Виктор. Поиски оптимизма. М., 1931. С. 108—109; Холрова Т. Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л., 1974). Исследователи также неоднократно отмечали, что романс сыграл большую роль в становлении поэтики Блока. Об этом см.: Эйхенбаум Б. О поэзии. Л., 1969. С. 435; Тынянов Ю. Н. Блок // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 122, и др.

⁴⁰ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 196—197.

⁴¹ Там же. С. 94, 101.

ющая миром»,⁴² Андрей Белый в качестве ведущих форм искусства современности указал на симфонию и музыкальную драму. Сознательно или нет, но рассуждениям Андрея Белого о симфонической музыке, как «наиболее совершенной форме» искусства, Блок, заявляющий: «И будет легче, когда будет слышнее цветение Вашего сердца», — опосредованно противопоставляет мысль о стихии любовного лирического романа. По его мнению, дело не в формальной организации искусства, а в «голосе музыки, поющем внутри» художника, в равной степени обнаруживающем себя и в симфонии, и в романсе.

При этом, цитируя Кирилла Иерусалимского, который, по определению Г. В. Флоровского, был не столько «самостоятельным богословом», сколько служателем, учителем и «свидетелем веры»,⁴³ и, будучи одарен поэтически, сумел «приобщить обыденное сознание к высоким истинам веры»,⁴⁴ просветил и подготовил к таинству рождения в новом духовном качестве не одно поколение жаждущих религиозной истины, Блок не только противопоставляет его «студенту-естественнику» Андрею Белому, стремящемуся овладеть «гlossой» рассудочно,⁴⁵ но в некоторой степени примеряет слова Святителя на себя.

Внутренне Блоку, который признавался: «Я задаю бездны вопросов, оттого, что мне суждено (...) только „жить в белом“, но не творить белое» (разрядка Блока. — Г. П.), в начале 1903 года более близкой как раз могла быть позиция не поэта-богослова или поэта-апостола, а скорее, — «свидетеля веры», стремящегося «вместить все», «оглашенного», прикоснувшегося к религиозно-мистической глубине мира и стоящего на пути преображения.

Обращенные к Андрею Белому слова: «Нам нужно более легкое бремя, „данное бедным в дар и слабым без труда“», во многом появляются в результате сопротивления Блока одному из важнейших тезисов Андрея Белого о неизбежном пере рождении искусства в жизнетворчество, в рамках которого должно произойти и преодоление индивидуальности художника.

Драматически переживая столкновение религии и искусства в собственном творческом и духовном опыте, Блок, думается, не был готов ни подменять религию искусством, что неизбежно обернулось бы профанацией и обесцениванием и того, и другого, ни ставить на место искусства религию, что могло повлечь за собой в перспективе гибель и искусства, и художника. Блок вообще не считал такого рода «синтез», «соединение» возможным и продуктивным и еще в июне 1902 года в своем дневнике рассуждал о мифотворчестве и жизнетворчестве как о ложном пути.⁴⁶ Это подтверждается и итоговыми обращениями Блока к цитате из Кирилла Иерусалимского, венчающим напряженные размышления поэта 1902—1903 годов о неумолимом переходе искусства в религию. Так, в письме к Л. Д. Менделеевой от 8 апреля 1903 года Блок цитирует «Огласительное поучение тринадцатое» уже вне литературно-эстетической проблематики и отодвигает решение проблемы преображения и поэтического апостольства в будущее: «Что я могу? Что мне может присниться о Тебе? Где во мне Ты, к чему Ты пришла? Я не знаю его — и не встречу. Это — Знак — благодать божия, „данная бедным в дар и слабым без труда“. Когда я узнаю Это, я узнаю в то же мгновение, что Ты — вдвоем со мной. Раньше я не буду видеть, не буду знать, буду слеп, как Савл, у которого очи в чешуе. Но будет время, когда я стану Твоим Апостолом».⁴⁷

⁴² Там же. С. 98, 102.

⁴³ Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века (из чтений в Православном Богословском институте в Париже). Париж, 1931. С. 46.

⁴⁴ Аммиан А. Путь отцов. Краткое введение в патристику. М., 1994. С. 163—164.

⁴⁵ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919. С. 18.

⁴⁶ См.: Блок А. Дневник. С. 48—51.

⁴⁷ Блок Александр. Письма к жене. С. 115.